

Юз Алешковский

ОШИБКИ СЕРЁЖИ ЦАРАПКИНА

ПОВЕСТЬ И РАССКАЗ

Рисунки Н. Беланова

Издательство
АСТ

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А49

Алешковский, Юз.

А49 Ошибки Серёжи Царапкина. Повесть и рассказы / Юз Алешковский; худож. Н. Беланов. — Москва : Издательство АСТ, 2025. — 141, [3] с. : ил. — (Детское чтение).

ISBN 978-5-17-173781-8.

Юз Алешковский — писатель, поэт и сценарист. Он широко известен своими песнями и романами. В нашу книгу вошли произведения, написанные для детей: повесть «Чёрно-бурая лиса» и рассказ «Белая мышь».

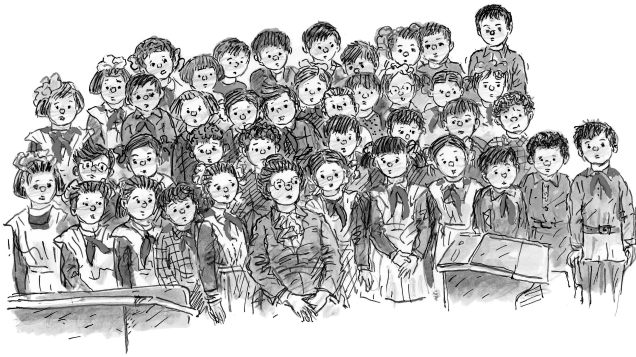
Лето у Серёжи Царапкина отменяется. Никакой речки, футбола и прочих радостей, только учебник русского языка и бесконечные диктанты. Мальчишка честно старается грызть гранит науки, но жизнь вносит свои коррективы. И вот уже Серёжка в центре детективной истории, где замешана клубника, кошка, чёрно-бурая лиса и бесконечная ложь.

Для младшего школьного возраста.

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Юз Алешковский, насл., 2025
© Беланов Н.В., ил., 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2025

Я уверен, что всем людям, которые уже стали взрослыми, иногда очень хочется хоть ненадолго вернуться в страну своего детства — в шумный школьный коридор, или в зелёный московский дворик, или в полный всяких чудес Дворец пионеров. Вернуться — и снова встретить своих друзей. Но учёные пока ещё не изготовили машину времени. Тогда я взял и решил: напишу книгу про Вовку Рыжикова, Петьку Козлова, Серёжу Царапкина и их товарищей. Я сам выдумал все имена. Но одно совершенно точно: эти ребята очень похожи на моих друзей. Они верны дружбе, непримиримы к нечестности и несправедливости, а если им не всегда везёт, если они иногда ошибаются, то уж с этим ничего не поделаешь — на ошибках мы учимся. И мне бы хотелось, чтобы ребята из моей книжки стали вашими друзьями и чтобы наша общая дружба помогла вам быть всегда справедливыми, искренними и готовыми совершать добро.

В. А. Александров

Автор

ЧЁРНО-БУРАЯ ЛИСА

Повесть

1

Я сидел на лавочке в скверике перед нашим домом и проветривал голову после целого дня повторения правил грамматики.

Осенью меня ожидала переэкзаменовка по русскому. Как сказал директор школы, я находился один на один с реальной угрозой остаться на второй год в пятом классе.

В третьей и в последней четверти у меня были двойки по русскому. В диктантах я ухитрялся делать такие ошибки, что учителя обсуждали их на педсовете.

А Анна Павловна, преподававшая у нас русский язык, стала сомневаться в моей нормальности. Сам-то я только под конец года понял, что никакой я не ненормальный. Просто я увлёкся схемами транзисторных приёмников и не учил, а зубрил правила и почти не читал книжки, но исправлять положение под конец года было уже поздно. На контрольном диктанте я привёл в ужас инспектора районо, который стоял у меня за спиной. Из-за него я ничего не мог списать у соседа по парте Антипкина.

На последних переменках некоторые ребята с жалостью, а некоторые свысока поглядывали на меня, как будто я уже сидел второй год в пятом, а они учились в шестом.

Но когда закончились занятия, я поклялся себе: «Дудки! Один месяц буду безвылазно учить правила и читать книги, другой — писать диктанты, а третий — купаться в озере. Ни за что не останусь в пятом!..»

Уныло, конечно, было сидеть в скверике, когда все занимаются чем хотят. В голове моей мелькали приставки, суффиксы и падежные окончания.

Я спичкой написал на песчаной дорожке слова: «Загорел. Прекрасный. Невмоготу».

Я всё время так тренировался.

В правильном написании первых двух слов я был уверен, а вот над «невмоготу» задумался. Я это слово стёр и написал его отдельно: «не в моготу», потому что решил: «не» с предлогом «в» вместе не пишется.

— Серёжка! — вдруг окликнули меня. — К тебе Анна Павловна пошла.

«Этого ещё не хватало!» — поморщился я и побежал домой.

2

В подъезде я столкнулся с Гариком. Он тоже сообщил:

— Там Анна Павловна!

Я вызвал лифт. Гарик зачем-то зашёл со мной в кабину. Мне не хотелось с ним разговаривать, потому что он отказывался диктовать мне диктанты. И вообще я его недолюбливал: в нём всегда было что-то лживое и недоброе. Я нажал кнопку, а Гарик, когда лифт был между вторым и третьим этажом, нажал на «стоп».

— Нас никто не услышит... — быстро сказал он. — Я знаешь что придумал? Клубника уже поспела. Сам видел... Давай ночью слазим в сад...

— А дальше что? — спросил я.

— Её хотят везти на выставку.

— Ну и пусть везут.

— Так мы же копали, пололи... Надо хоть попробовать...

Доказывать что-либо Гарику мне было противно и некогда: не терпелось услышать разговор Анны Павловны с мамой.

— Полезем! — уговаривал Гарик. — Даже интересно. Ночь, а мы ползём... А?

— Не пойду. Отпусти кнопку! — прикрикнул я.

— Скажи — струсил. Мямля! — обвинил Гарик.

Внизу кто-то забарабанил по железной сетке. Я оттолкнул Гарика и нажал кнопку.

— Струсил? Струсил? — не отставал Гарик.

Мне очень хотелось сказать всё, что я о нём думаю, но лифт остановился, я вышел на площадку, тихо прикрыл дверь и пригрозил Гарику:

— Я тебе ещё покажу!.. Я тебе струшу! Только попробуй залезть в сад!

— Иди! Иди! Пожалуйся! Предатель!.. — злобно зашипел Гарик.

— Я не предатель! — не задумываясь, сказал я, хотел войти в лифт, чтобы выяснить, кто из нас предатель, но тут снова забарабанили по железной сетке, и Гарик поехал вниз.

Я уже хотел было открыть дверь, но услышал, что мама и Анна Павловна разговаривают в передней. Я замер у двери. Мама всхлипнула:

— В кого он? Я за диктанты получала в школе только четвёрки и пятёрки. Муж до седьмого класса был отличником. Мы вместе учились. Так в кого же он? В кого?

— Да-а... делать в одной фразе из пяти возможных ошибок восемь — рекорд.

— Прямо пещерный житель... — мама снова всхлипнула.

— Только не нужно отчаиваться. Я уверена, что Серёжа настроен серьёзно. Ему необходимо помочь до начала консультаций в школе.

— Как помочь? Я пробовала ему диктовать и испортила все нервы. Вместо «вперёд» он пишет «впирёт»; вместо «камень» — «каминь»... Это безнадежно. Только в дворники ему дорога!..

Я разозлился и открыл ключом дверь.

— Вот! Взгляните на него! — сразу набросилась на меня мама. — Ты понимаешь, что, если не будешь всё лето писать диктанты, тебе откроют зелёную улицу в дворники? Ты понимаешь это или нет? Не

ковыряй в носу, когда с тобой разговаривают взрослые!

Я молчал, теребя носком ботинка дорожку.

— Серёжа, — сказала Анна Павловна, — ты обещал взять себя в руки и каждый день писать диктанты. Но мама жалуется, что дело стоит на месте.

— Как же ему не стоять, — пробурчал я, — если никто не хочет диктовать, а она... только хлопает меня учебником по голове после каждой ошибки!

— Как же тебя не хлопать? — возмутилась мама. — Поверьте, он исключительно назло мне написал вчера «жоравли» вместо «журавли». И ещё заявил: «От слова «Жора».

— Ну, знаете... — Анна Павловна развела руками. — В общем, Серёжа, если ты не подучишь правила и не переборешь рассеянности...

— ...то останешься на второй год, — подсказал я.

— Я этого не переживу! — решительно заявила мама.

— Тогда я вам советую взять репетитора хотя бы на месяц.

— Позор! Как последнему тупице! Дожил!.. — сказала мама.

— Итак, Серёжа, забудь про лето. Никаких турпоходов, лагерей, футболов и

плаванья с утра до вечера. Пиши диктанты, больше читай и развивай зрительную память. Как пишется «зрительную»? — спросила Анна Павловна.

— «Тельную», — сказал я, немного подумав.

— Молодец! Я всегда утверждала, что врождённой безграмотности не бывает.

— Бывает, бывает... — грустно прошептала мама.

— В общем, до свиданья. В августе я с тобой позанимаюсь. Главное, помни: ты сам кузнец своего счастья... Простите, я очень спешу.

— Угу... Буду ковать железо, пока горячо.

— Видите! Он шутит, — сказала мама.

— Я больше не буду, — пообещал я на всякий случай.

— Всего хорошего. Спасибо, что зашли.

Мама вытерла слёзы и открыла дверь.

Анна Павловна ушла.

Я поплёлся в комнату, уверенный, что нет на свете человека несчастнее, чем я.

4

Мой отец задержался на собрании. Когда он пришёл, мама сообщила:

— Была Анна Павловна. Она советует взять репетитора.

— Репетитора мы брать не будем, — сказал отец, повесив пиджак на стул.

— Как не будем? — удивилась мама. — Ты шутишь? Ведь ребёнок на краю пропасти!

Отец посмотрел на меня и засмеялся.

— Ах, значит, тебе денег жалко? Значит, ты предпочитаешь, чтобы этот шалопай лишний год учился в пятом классе и рос тунеядцем?

— Не захочет учиться — будет работать.

— Дворником? — спросила мама.

— Да. Дворником, — спокойно подтвердил отец.

— Посмотрим, до чего доведёт всех нас твоё олимпийское спокойствие.

Мама ушла на кухню. Она всегда так делала, когда чувствовала, что спорить с отцом бесполезно. А однажды я услышал, как он сказал маме:

«Мы же договорились, что если у нас будет сын, то я играю в воспитании первую скрипку. Мужчину воспитывать труднее...»

— Пап! А почему у тебя олимпийское спокойствие? — спросил я.

— Ты как следует занимаешься? Вытянешь русский? — переспросил он.

— С правилами всё в порядке. Только диктатора нужно найти.

— Диктующего, — поправил отец. — И учти: я верю, что ты вытянешь. Если подведёшь, мы перестанем быть товарищами. Думаешь, я не знаю, почему ты завалил язык?

Это была правда. Отец никогда не ругал меня и сохранял олимпийское спокойствие, как Зевс. Но уж лучше бы он ругал меня, как мама, а не грозил порвать товарищество и не обижался, по неделям со мной не разговаривая.

— Ну, а что, если я и вправду родился безграмотным? — спросил я.

— Не хитри! — сказал отец. — Профессор Бархударов тоже родился безграмотным, а стал автором учебника. А мама, думаешь, ещё в пелёнках писала на пятёрки диктанты?

— А почему тогда, — я это читал в журнале, — когда Вольтер делал ошибки и ему сказали про это, он ответил: «Тем хуже для орфографии»?

— Пока ты не Вольтер, а Царапкин, ты должен писать без ошибок. Понял?

— Понял... А когда вы вместе учились, мама была ябедой?

— Была одно время, — нарочно громко сказал отец и подмигнул мне.